

В. П. Микитюк
**КОНКУРС ПРОЕКТОВ «ОРГАНИЗАЦИЯ УРАЛЬСКОЙ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ»**

В апреле 1918 г. горно-металлургический отдел Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) объявил конкурс проектов под названием «Организация Уральской металлургической промышленности». Желающих принять участие в данном конкурсе оказалось совсем немного: в соответствующие органы поступило всего три проекта, два из которых были индивидуальными, а третий был разработан группой специалистов из 5 человек.

Индивидуальные проекты были представлены известными горными инженерами К. К. Мореном и И. Н. Урбановичем, которые хорошо знали нужды Урала. Авторами третьего проекта были молодые специалисты Г. И. Матекин, А. А. Рор, В. И. Тибо-Бриньоль, Ф. Ф. Эйхе и Э. Ф. Юон. Инициаторы проведения конкурса присоединили к этим проектам две докладные записки — профессора А. Ф. Кваскова и горного инженера В. Е. Грум-Гржимайло. Впрочем даже такой нетривиальный ход не спас конкурс от провала, что и признали его организаторы.

Скорее всего, исход конкурса и не мог быть иным, поскольку сполохи Гражданской войны становились все сильнее, вследствие чего все новые и новые регионы оказывались вне юрисдикции большевистской власти. Значительная часть горнозаводского Урала к осени 1918 г. также оказалась под контролем противников советской власти, в результате чего многие технические специалисты потеряли возможность участвовать в данном конкурсе проектов. Под влиянием этих обстоятельств итоги конкурса были подведены лишь в 1920 г.

Впрочем поражения Красной Армии на Восточном фронте и потеря большей части урало-сибирского региона не были единственной причиной провала конкурса. Один из его участников предельно четко заявил, что немалую часть вины за его провал должен взять на себя горно-металлургический

отдел ВСНХ, плохо проработавший условия конкурса. В частности, его специалисты дали участникам конкурса на разработку проектов всего два месяца, но для составления серьезного плана реорганизации всей уральской металлургической отрасли этого было явно недостаточно. Кроме того, разработчики условий конкурса практически дезориентировали его участников, поскольку недостаточно четко сформулировали главные задачи. В частности, горно-металлургический отдел объявил конкурс проектов по организации уральской металлургической промышленности, на самом же деле он ожидал поступления планов по реорганизации металлургии Урала.

Подобная двойственность не могла не сказаться на содержании проектов. Если организаторы конкурса предполагали получить решение самых насущных, по сути дела тактических, проблем, то авторы проектов в основном взялись за решение стратегических задач. Подобный подход исключал возможность реализации этих проектов в начале 1920-х гг. для реорганизации уральской металлургической промышленности. Именно это обстоятельство и заставило организаторов конкурса объявить о его провале.

В то же время проекты содержали немало ценных предложений, которые могли быть востребованы в более отдаленной перспективе при крупномасштабном преобразовании всей металлургии Урала, в частности план использования коксующихся углей Кузнецкого каменноугольного бассейна для нужд уральской металлургической промышленности.

Подобное внимание большинства авторов проектов к данной проблеме отчасти можно объяснить условиями конкурса, которые четко гласили: «Проект должен содержать общий технический план перехода уральских заводов на коксовую плавку, путем реорганизации старых заводов и постройки новых, а также исследованием рудных и лесных богатств края».¹ Стоит добавить, что, говоря о

Микитюк Владимир Петрович — н.с. сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: lvmikitjuk@mail.ru

¹ Об организации Уральской металлургической промышленности // Серп и Молот. 1920. 1 окт. С. 34.

коксуемых углях, организаторы конкурса в первую очередь имели в виду именно Кузбасское месторождение.

Практически все авторы проектов и докладных записок признавали необходимость использования сибирского каменного угля на уральских металлургических заводах, но при этом обнаруживали серьезные расхождения при решении вопроса практического применения данного вида топлива на Урале.

Так, горный инженер Карл Карлович Морен, успевший поработать на разных уральских заводах и одно время исполнявший обязанности управляющего Алапаевским горным округом, а затем служивший в Уральском горном управлении, в своем проекте, анализируя рудные богатства Урала, разделил их на две группы — на первоклассные и второразрядные. Первоклассные руды, по мысли Морена, должны были плавиться при помощи древесно-угольного топлива, а сибирский кокс должен был употребляться исключительно для плавки второразрядных руд. Учитывая факт наличия месторождений второразрядных руд на территории многих уральских горных округов, Морен предлагал ввести коксовую плавку на большинстве металлургических заводов Урала.

Если идея плавки второразрядных руд с помощью кузнецкого кокса не вызвала особых возражений со стороны горно-металлургического отдела ВСНХ, то план Морена по использованию минерального топлива на большинстве уральских заводов был решительно отвергнут. Подводя итоги, специалисты ВСНХ резюмировали: «Коксовая доменная плавка Урала при тяжелых условиях дальнего транспорта привозного минерального горючего только и мыслима при колоссальном масштабе производства в немногих пунктах, приуроченных к рудным центрам».²

К отрицательным сторонам проекта К. К. Морена специалисты ВСНХ отнесли также почти полное отсутствие данных о Кузнецком бассейне.

Проект горного инженера Иллиодора Николаевича Урбановича получил гораздо более высокую оценку. И. Н. Урбанович, некогда предлагавший оставить на Урале только чугуноплавильное производство, а изготовление железа сделать прерогативой поволжских предприятий, в новых экономических усло-

виях видел в Урале ведущий центр металлургической промышленности. В его проекте довольно четко было указано, что одним из главных условий развития уральской металлургии является использование коксующегося угля Кузнецкого бассейна. В этом отношении проекты К. К. Морена и И. Н. Урбановича полностью совпадали, однако далее авторы продемонстрировали различный подход к проблеме организации коксовой доменной плавки.

Если К. К. Морен считал возможным ее применение на многих предприятиях, то проект И. Н. Урбановича предусматривал сооружение четырех новых заводов, рассчитанных на весьма значительный объем производства: 1) близ горы Магнитной; 2) около Уфы; 3) в Алапаевском горном округе; 4) в Богословском горном округе. В первую очередь автор проекта предлагал построить заводы близ города Уфы и горы Магнитной. Главное назначение обоих предприятий он видел в снабжении действующих металлургических заводов Урала чугуном и полупродуктами: слитками, болванками и сутунками. Стоит подчеркнуть, что выбор мест для сооружения новых заводов был сделан им вполне осознанно. Иллиодор Николаевич на рубеже XIX–XX вв. служил в Горном департаменте и по долгу службы неоднократно бывал на Урале. Так, в 1903 г. он был специально командирован в район горы Магнитной, где смог детально ознакомиться с этим уникальным месторождением.

Несмотря на это, при составлении плана сооружения новых металлургических заводов И. Н. Урбанович сделал главную ставку на строительство Уфимского металлургического предприятия, которое должно было работать на рудах Комаровского месторождения. В своем проекте он довольно подробно перечислил все производственные мощности будущего завода. В частности, предусматривалось, что будет сооружено 135 коксовых печей, которые должны были работать на углях Кузнецкого бассейна. По мнению Урбановича, основу производственных мощностей должны были составить две доменные печи, два бессемеровских конвертера, две мартеновские печи. Кроме того, предполагалось, что будет установлено дополнительное оборудование и возведен ряд вспомогательных цехов и электростанция мощностью 12 тыс. л. с.

После Уфимского предприятия планировалось возведение металлургического завода близ горы Магнитной, основу производствен-

² Там же. С. 39.

ных мощностей которого должны были составить мартеновские печи. Стоит отметить, что этот пункт проекта И. Н. Урбановича вызвал появление термина «Магнитогорский завод». Автор не стал подробно разрабатывать план сооружения данного завода, а также еще двух новых заводов, что дало основание экспертам ВСНХ назвать его работу «проектом Уфимского металлургического завода». Кроме того, специалисты ВСНХ критически отозвались о перспективах Уфимского завода: «Нельзя не отметить также шаткости положений и бездоказательности их в части проекта, придающей г. Уфе столь большое значение как пункту постройки первого Уральского коксового доменного завода. Имея в виду кузнечный кокс, автор проекта Уфимского завода удаляет его и от кокса и от руды».³

В результате тщательного анализа эксперты пришли к выводу, что проект И. Н. Урбановича, несмотря на его общую основательность, наличие хорошо составленных смет и плана сооружения Уфимского завода, не годится для реализации, а также не соответствует условиям конкурса. Последний вывод они сделали исходя из того, что И. Н. Урбанович не внес никаких предложений по реорганизации существующих уральских металлургических заводов.

Докладная записка известного российского металлурга В. Е. Грум-Гржимайло полностью не соответствовала условиям конкурса ВСНХ. Владимир Ефимович не только не уделил никакого внимания реорганизации старых уральских заводов, но и не подготовил сколько-нибудь конкретных предложений по сооружению новых заводов. Подобный подход к делу объясняется просто: В. Е. Грум-Гржимайло, отклинувшись на предложение участвовать в конкурсе, проигнорировал его условия и подготовил записку под названием «Задачи уральской железной промышленности», в которой широкими мазками обозначил главные стратегические приоритеты уральской металлургической отрасли.

Автор докладной записки выдвинул исходное положение о том, что уральская металлургия в старом виде существовать не может и обречена на вымирание. Он был искренне убежден, что данная отрасль не способна дать стране необходимое количество качественного и дешевого железа. Исходя из этого, Грум-Гржимайло предложил выход из тяжелейшей

ситуации. Одну из главных мер по ее улучшению он видел в создании мощного металлургического треста американского типа, который должен был немедленно приступить к сооружению весьма и весьма крупных металлургических заводов.

Предлагая сконцентрировать производство конкретной продукции на одном предприятии, В. Е. Грум-Гржимайло исходил из следующего убеждения: «...для снабжения рельсами всей России достаточно поставить только один американского типа рельсовый прокатный стан. Только одного стана хватит для снабжения всей России квадратной заготовкой. Одного стана достаточно для снабжения сутункой всех русских заводов, катающих кровельное железо. Одного комплекта из пяти-шести специальных станков достаточно для прокатки всего ассортимента сортового железа; одного, двух станков достаточно для прокатки проволоки; одного стана для обручного железа и т. д.».⁴

В. Е. Грум-Гржимайло не называл конкретных мест для сооружения новых заводо-гигантов, но полагал, что они, вероятно, должны возводиться близ месторождений руды. Он, в частности, писал: «Осуществление идеи треста железной промышленности примет такую форму. В избранном месте, вероятно на месторождении руды, будет построен один прокатный стан, производящий данный сорт железа, и склады при нем; для его потребности в слитках будет выстроена сталелитейная соответствующей производительности и столько доменных печей, сколько нужно для передела жидкого чугуна в слитки. Для доменных печей соответствующее количество коксовых печей. <...> Все вместе составит один комплектный завод нового типа. На другом месторождении мы построим другой завод с одним станом для прокатки другого сорта, со сталелитейной и домнами; третий, четвертый, вообще столько комплектов заводов, сколько станков».⁵

По мнению Грум-Гржимайло, предприятия треста должны были изготавливать исключительно продукты массового производства: чугун, слитки, рельсы, балки, сортовое железо и др. Производство котельного и кровельного железа, а также жести, посуды, шанцевого инструмента и пр. должно было остаться за существующими металлургическими заводами.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же.

Предлагая создать мощный металлургический трест, В. Е. Грум-Гржимайло не мог обойти вопросы снабжения предприятий треста рудой и топливом. Отвечая на данные вопросы, маститый металлург пришел к следующим выводам: «...если Россия не пожелает обратиться в колонию Западной Европы и Америки, то потеря юга и Польши заставит поднять вопрос о необходимости создания для России нового источника снабжения железом. Такой источник для России возможен, это руды Урала и коксующийся каменный уголь Кузнецкого бассейна. Надо соединить руды Урала и каменный уголь Сибири мощной железнодорожной линией и построить при ее помощи новый очаг железной промышленности».⁶ Грум-Гржимайло надеялся, что новая железная дорога позволит существенно удешевить транспортировку каменного угля и руды и тем самым значительно снизить цены на готовую продукцию металлургического треста.

Специалистам горно-металлургического отдела ВСНХ некоторые идеи В. Е. Грум-Гржимайло пришлось по душе: во-первых, что будущее за колоссальным трестированием металлургической промышленности; во-вторых, идея закрепления за новыми металлургическими заводами основных видов массового производства. В то же время эксперты ВСНХ посчитали, что надежды Владимира Ефимовича на значительное понижение транспортных расходов слишком оптимистичны. Подсчеты специалистов из Министерства путей сообщения показывали, что установление низких железнодорожных тарифов возможно лишь при условии резкого увеличения грузооборота. Так, снижение тарифов на перевозку каменного угля Кузнецкого месторождения могло произойти при условии, если бассейн ежегодно перевозил бы по железной дороге не менее миллиарда пудов. У специалистов ВСНХ возникал вполне резонный вопрос: «Где же возьмет в ближайшие десятилетия этот миллиард груза Кузнецкий бассейн, с его едва лишь зарождающейся каменноугольной промышленностью?»⁷

Организаторы конкурса, проанализировав 3 проекта и 2 докладные записки, пришли к выводу, что наиболее отвечающим условиям конкурса является проект «Гипурал», подготовленный группой инженеров. Этот проект содержал предложения как по реорганизации

существующих металлургических заводов, так и по строительству новых. Предлагая реорганизовать старые предприятия, авторы проекта «Гипурал» исходили из необходимости планомерного сокращения потребления древесно-угольного топлива. С этой целью предлагалось постепенное свертывание доменного производства, основанного на его использовании. Древесное топливо планировалось применять исключительно для производства кровельного железа, жести, а также материалов, идущих на изготовление стали высших сортов.

Предложения по строительству новых заводов в проекте «Гипурал» носили более конкретный характер. В. И. Тибо-Бриньоль, Ф. Ф. Эйхе и К^о предлагали построить четыре новых крупных металлургических предприятия, действующих исключительно на минеральном топливе. Первое предприятие должно было быть построено в районе Благодатско-Тагильском. Этот завод должен был ежегодно производить до 30 млн пуд. чугуна и 27,8 млн пуд. прокатных изделий (5 млн пуд. обжатой болванки, 6 млн пуд. балок и швеллеров, 16 млн пуд. железнодорожных рельсов и 0,8 млн пуд. осей). Второе предприятие предполагалось возвести в районе Алапаевско-Синарском. Этот завод должен был иметь производительность в 25 млн пуд. чугуна и 19 млн пуд. прокатных изделий в год.⁸ Третье и четвертое предприятия должны были возникнуть близ крупных рудных месторождений — около горы Магнитной и в районе Комаровского железорудного месторождения. Третье предприятие должно было иметь годовую производительность в 25 млн пуд. чугуна и 19 млн пуд. прокатных изделий (13,4 млн пуд. сортового железа, 5,6 млн пуд. проволоки); четвертое — также 25 млн пуд. чугуна и 19 млн пуд. прокатных изделий (12,5 млн пуд. котельного железа, 2,5 млн пуд. универсального железа, 4 млн пуд. бандажей и колес).

Кроме того, авторы проекта предлагали перестроить Саткинский, Аша-Балашовский, Симский и Кусинский заводы и приспособить их для производства специального стального литья общим объемом в 8 млн пуд.

Разработчики проекта «Гипурал» уделили значительное внимание проблеме сооружения новых железных дорог, предложив построить десять новых линий, в том числе железные до-

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 35.

роги: Оренбург — Орск — Атбасарск — Акмолинск — Семипалатинск; Алтайск — Кузнецк; Стерлитамак — Магнитная — Карталы и т. д.

Специалисты ВСНХ и в этом проекте нашли недостатки. Сочтя проект крупной и ценной работой, они, тем не менее, указали авторам, что они не выполнили условия конкурса, сосредоточившись в основном на планах по сооружению новых заводов и железных дорог и уделив мало внимания реорганизации существующих металлургических заводов Урала.

Рассмотрев все проекты и докладные записки, комиссия ВСНХ пришла к выводу о провале конкурса. Тем не менее, в самом проведении конкурса и представленных материалах есть немало интересных моментов для историков промышленности.

Конкурс проектов «Организация Уральской металлургической промышленности», организованный в 1918 г. горно-металлургическим отделом ВСНХ, не дал значительных результатов, так как на рассмотрение комиссии было представлено всего 3 проекта и 2 докладные записки. В то же время все они затрагивали проблему снабжения уральских металлургических заводов коксующимися углями Кузбасса, причем наиболее реалистичный план был предоставлен группой молодых инженеров (Г. И. Матекин, А. А. Поп, В. И. Тибо-Бриньоль, Ф. Ф. Эйхе и Э. Ф. Юон). В последующем некоторые предложения этой группы были учтены при разработке проекта Урало-Кузбасс и его реализации, что и явилось главным результатом конкурса ВСНХ.

Ключевые слова: *конкурс проектов, топливная проблема, коксующиеся угли Кузбасса*

COMPETITIVE BIDS FOR THE PROJECT “ORGANIZATION OF THE URAL METALS INDUSTRY”

The article deals with the tender for the Ural metallurgical industry reorganization projects, which was held in 1918. All projects presented by the bidders, as well as the project notes involved the study of the option of the Ural's plants operation on the coking coals from Kuzbass.

Vladimir P. Mikitjuk